

ГЕРОИ 1812 ГОДА.

I.

Пармень Семеновичъ Деменковъ.

Читатели „Русскаго Архива“ помнятъ статью П. С. Деменкова „о Войнѣ и Мирѣ“, помѣщенную въ 1911 г. (вып. XI). Хотя нельзя ставить въ вину художнику историческія неточности въ его произведеніяхъ, но изображеніе событій 1812 года въ „Войнѣ и Мирѣ“ такъ противорѣчитъ дѣйствительности и разнесло столь вредное и превратное понятіе о доблестныхъ подвигахъ Русскихъ людей, что весьма цѣнно опроверженіе умышленныхъ искаженій, которыя позволялъ себѣ гениальный писатель. Это опроверженіе написано однимъ изъ очевидцевъ и участниковъ двѣнадцатаго года *). Пармень Семеновичъ Деменковъ долженъ быть признательно помянутъ уже за одно это.

Происходя изъ старинныхъ дворянъ Курской губ., П. С. Деменковъ, родился въ 1790 году въ селѣ Бобровѣ, Рыльскаго уѣзда.

Дѣтство его протекло среди многихъ братьевъ и сестеръ, которые до самой смерти были между собою необыкновенно дружны.

Въ 1799 году С. А. Деменковъ отвезъ своего 9-ти лѣтняго сына Пармена въ Москву и помѣстилъ въ Благородный Пансіонъ при Московскомъ Университетѣ. Здѣсь онъ пробылъ до 1804 года, когда, по волѣ родителей, переведенъ былъ въ Петербургъ, въ знаменитый тогда Іезуитскій пансіонъ, помѣщавшійся на мѣстѣ церкви св. Екатерины, что на Невскомъ

*) Въ то время, какъ печатались нами первые 3-и тома „Войны и Мира“, восхищенные ими князь С. С. Урусовъ и С. А. Юрьевъ писали графу Толстому чуть не акансты и убѣдили его, что романъ—не романъ, когда нѣтъ у него философической подкладки. Какаѣ же была эта философія, можно судить по этимъ ея ревнителямъ. Оба они были отличные люди, но князь Урусовъ (отмѣнный шахматистъ и математикъ) написалъ цѣлое сочиненіе о томъ, что Павелъ Петровичъ скончался смертію естественною, а С. А. Юрьевъ читалъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ лекціи о двухъ-трехъ стихахъ изъ второй части Фауста. Вотъ откуда неразбериха въ умозаключеніяхъ графа Толстого. П. Б.

проспектъ, а другою стороною выходившій на Михайловскую площадь, въ то время еще пустынную улицу. По выходѣ изъ пансіона, въ которомъ онъ былъ на отличномъ счету, въ 1808 году, Деменковъ поступилъ подпрапорщикомъ въ Преображенскій полкъ. Въ томъ же 1808 году, на войну со Швеціею, посланъ былъ, въ числѣ другихъ полковъ, четвертый батальонъ Преображенскаго полка, въ которомъ служилъ Деменковъ. Совершивъ всю кампанію до самаго Улеаборга и простоявъ два мѣсяца въ Вазѣ, батальонъ пошелъ въ Або для переправы по льду въ Мартѣ мѣсяцѣ на Аландскіе острова*). Такъ какъ въ это время заключено было перемиріе, то наши возвратились тою-же дорогою въ Або, гдѣ и простояли всю весну и лѣто. На парадѣ при церемониальномъ маршѣ Деменкову пришлось салютовать Государю знаменемъ. По возвращеніи въ Петербургъ, чтó было уже въ началѣ 1810 года, П. С. произведенъ былъ въ офицеры. Въ 1812 году, незадолго до объявленія войны, П. С. ѣздилъ къ своимъ родителямъ въ село Боброво.

Всю кампанію 12-го года онъ находился въ дѣйствующей арміи, участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи и черезъ нѣсколько дней послѣ этой битвы писалъ своимъ родителямъ изъ-подъ Подольска, на днѣвкѣ знаменитаго фланговаго марша въ обходъ Москвы, въ то время занятой непріателемъ.

„Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка“.

„Тотъ самый день какъ я къ вамъ писалъ съ курьеромъ, посланнымъ въ армію Курскимъ губернаторомъ, я былъ отправленъ въ городъ Торопецъ, для принятія полковыхъ тягостей. Былъ во Ржевѣ, Старицѣ; но какъ нигдѣ оныхъ не получилъ, принужденъ былъ возвратиться въ армію черезъ Москву, гдѣ уже не нашелъ сестрицъ, видѣлся съ Александрю Николаевною Полтевою, которая такъ же на другой день хотѣла выѣхать. Не спавши двѣ ночи, ѣдучи въ Москву и на третью писавши къ вамъ, въ 1-мъ часу ночи былъ почти сонный, однако, узнавши, что черезъ день или два должно быть большое сраженіе (ибо армія наша остановилась въ 8 верстахъ отъ Можайска при Бородинѣ, на выгодной позиціи) я, оставивши письмо Васкѣ своему для отдачи на почту, самъ на легкѣ ту же нощъ отправился къ арміи, но по причинѣ большого разъѣзда курьеровъ такое имѣлъ затрудненіе въ лошадяхъ, что цѣлую станцію принужденъ былъ идти пѣшкомъ; нанять такъ же не могъ, ибо всѣ обывательскія употреблены были подъ раненыхъ. Прибывши вечеромъ къ арміи, на разсвѣтѣ 26-го были атакованы непріателемъ во всѣхъ пунктахъ. Сраженіе продолжалось до ночи и было наикровопролитнѣйшее, ибо уронъ съ обѣихъ сторонъ считаютъ до 60,000 человекъ. Нашъ полкъ и Семеновскій менѣе всѣхъ;

*) Е. А. Баратынскій писалъ объ этомъ героическомъ переходѣ: наступилъ оттепель, и весь батальонъ могъ погибнуть. Къ сожалѣнію, этихъ стиховъ Баратынскаго не сохранилось, и только одну изъ нихъ строфу слышалъ я отъ его друга Н. В. Путяты. Въ ней было выражено изумленіе морского бога, слышавшаго надъ собою шаги Русскихъ воиновъ; строфа эта была мною записана, но потеряна. Помню только стихъ „Пучины богъ сѣдобрадатъ“. П. Б.

въ нашемъ не достаетъ теперь одинадцати человѣкъ офицеровъ и около двухъ сотъ рядовыхъ убитыми и ранеными. Мы ночевали на мѣстѣ сраженія. Французская армія отступила за пятнадцать верстъ; но какъ наша армія не менѣе была разстроена, свѣтлѣйшій для приведенія въ порядокъ отступилъ къ Можайску, намѣреваясь на другой день самому атаковать непріятели. Но онъ, узнавши наше отступление, предупредилъ насъ, и мы, не имѣя выгодной позиціи, ретировались далѣе и далѣе и наконецъ за Москву“.

„Новость сія должна была васъ всѣхъ опечалить, но не безпокойтесь: уступленіе Москвою, правда, для всякаго Русскаго кажется большимъ несчастіемъ, но нашей арміи на лицо 20,000, у непріятели не болѣе; сверхъ того у насъ милиція. Только чтобы не было мира! Наполеонъ долженъ погибнуть въ Россіи съ своими войсками. Теперь половина нашей арміи стоитъ за 40 верстъ отъ Москвы по Рязанской дорогѣ, а другая, съ которой теперь и гвардія, стоитъ у Подольска, задомъ къ Тулѣ“.

„Письмо сіе прошу одного знакомаго ѣдущаго въ Тулу отдать тамъ на почтѣ. Наши Курчане, находящіеся въ гвардіи, очень счастливы: ни одинъ не убитъ и не раненъ. Послѣ Бородинскаго сраженія я уже къ вамъ писалъ, прося то письмо одного нашего раненаго офицера гдѣ нибудь отдать на почтѣ. Отъ васъ же, батюшка, уже давно не имѣлъ никакихъ свѣденій. Вашъ всепокорнѣйшій и много васъ почитающій сынъ Пармень Деменковъ“.

„1812 года Сентября 7 дня. Подъ Подольскомъ“.

„Сестрицъ и братцевъ сдѣлайте милость за меня поцѣловать, дядюшкѣ Семену Андреевичу прошу сказать мое глубочайшее почтеніе“.

„Наканунѣ отдачи Москвы Ваську портнова я послалъ въ Москву для покупки, онъ до сего времени не являлся“.

16 Августа 1813 года подъ Кульмомъ П. С. Деменковъ былъ очень тяжело раненъ въ животъ навзлетъ. Хотя рана была не смертельная, но все же очень опасна. Не смотря на это, онъ ея сначала не чувствовалъ, какъ и самъ пишетъ: „Энтузіазмъ въ бою невозможно передать никакими описаніями. Этимъ только энтузіазмъ и объясняется, почему иной разъ раненные, опасно даже, не чувствуютъ полученныхъ ими ранъ, не ощущаютъ боли и физически истощенные падаютъ на землю облитые кровью и видя, что они ранены. Это я испыталъ на себѣ: у меня ноги подкосились прежде чѣмъ почувствовалъ боль.“

Упавши, обливаясь кровью, онъ впалъ въ безсознательное состояніе. Очнулся онъ лишь вечеромъ, когда увидѣлъ, что на немъ лежитъ еще нѣсколько убитыхъ и раненыхъ тѣлъ. Доктора обходили поле сраженія. Подойдя къ нему, докторъ нашелъ его столь слабымъ, что велѣлъ внести въ списокъ за мертво убитыхъ; а когда замѣтили, что онъ еще дышетъ, то докторъ отвѣчалъ, что все ровно, скоро умереть. Черезъ нѣкоторое время мимо проходило нѣсколько солдатъ его полка, которые, услышавъ стонъ, узнали его, подняли и перенесли на перевязочный пунктъ, чѣмъ его и спасли. Въ то самое

время родители его служили молебень объ его здравіи передъ домашнею иконою Всемиловитоваго Спаса, которая теперъ находится въ родственной семьѣ Боборыкиныхъ.

За это сраженіе Деменковъ получилъ Кульмскій крестъ, любимый его орденъ. Находясь въ лазаретѣ подъ Прагою, онъ былъ осчастливленъ, въ числѣ другихъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ офицеровъ его полка, высочайшею милостью, выразившейся въ выдачѣ каждому по сту червонцевъ на излеченіе. По выздоровленіи, онъ нагналъ Русскія войска, продолжавшія свой побѣдоносный путь и вмѣстѣ съ ними вошелъ въ Парижъ. Въ 1818 году П. С. былъ уже командующимъ гренадерскою ротою въ 3-мъ батальонѣ Преображенскаго полка, который, такъ же какъ и Семеновскій, составлялъ 1-ю гвардейскую бригаду, находившуюся подъ командою В. К. Михаила Павловича. Даже такой строгій начальникъ, какимъ былъ В. К., не могъ ничего сказать противъ Деменкова, и П. С. писалъ: „Я могу похвалиться тѣмъ, что пользовался особымъ его ко мнѣ расположеніемъ и былъ такъ счастливъ, что заслуживалъ очень часто его многомилостивые отзывы, въ особенности, когда приходилось представлять ординарцевъ и вѣстовыхъ отъ моей роты“. Всякій, хотя нѣсколько знакомый съ личностью Великаго Князя, пойметъ, что значило угодить ему, когда приходилось представлять ординарцевъ и вѣстовыхъ.

Въ слѣдующемъ 1819 году П. С. произведенъ былъ въ полковники и назначенъ командующимъ тѣмъ же 3-мъ батальономъ. Въ это время ему исполнилось 29 лѣтъ. Весною 1820 года начали готовиться къ полковому ученью въ присутствіи Государя, который въ то время изъ Вѣны проѣхалъ въ Италію на свиданіе съ королемъ Неаполитанскимъ. Но у Деменкова открылись раны, и онъ вынужденъ былъ испросить отпуска, для излѣченія на Кавказѣ. Имѣя уже отпускъ, не смотря на сильныя боли отъ открывшихся ранъ, онъ, по желанію Великаго Князя, остался командовать своимъ батальономъ въ присутствіи Государя. Ученье прошло блестяще. Великій Князь, подѣхавъ къ П. С., сказалъ: „Благодарю во первыхъ за то, что, имѣвъ уже отпускъ, участвовалъ въ этомъ ученьи, и второе за то, что батальонъ исполнилъ свое дѣло отлично хорошо“, и прибавилъ: „Прощай, выздоравливай и возвращайся скорѣе“.

Но судьба рѣшила иначе. Хотя Кавказскіе минеральные источники и помогли, но всетаки раны давали себя чувствовать, и П. С., при всей своей любви къ военному дѣлу, долженъ былъ отказаться отъ мысли снова вступить въ полкъ и подалъ въ отставку, которую и получилъ въ Январѣ 1821 года за ранами съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ. О томъ, какъ ему жаль было бросить военную службу, до какой степени онъ привыкъ къ ней, можно судить изъ того, что когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ Маѣ 1824 года, то въ первое же утро пошелъ смотрѣть на разводъ, происходившій на дворцовой площади. Здѣсь Михаилъ Павловичъ увидѣлъ его въ числѣ зрителей и по окончаніи развода, взявъ его подъ руку, увелъ во дворецъ и милостиво съ нимъ разговаривалъ.

Приблизительно въ это же время П. С. приписанъ былъ къ Министерству Финансовъ. Кончина императора Александра Павловича поразила Деменкова. Его воспоминаніе о томъ читатели имѣли въ XI кн. „Русскаго Архива“ 1911 г. Въ большой гостиной Бобровскаго дома, гдѣ окончилъ дни свои Деменковъ, висѣлъ надъ диваномъ портретъ Александра Павловича во весь ростъ. Любимый его разговоръ былъ именно объ А. П. Никто никогда не осмѣлился бы сказать какое нибудь неодобрительное слово объ этомъ Государѣ.

П. С. былъ очевидцемъ событія 14 Декабря и описалъ его. Статья эта была напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ въ 1877 году. Черезъ нѣсколько дней послѣ 14-го Декабря онъ стоялъ въ толпѣ народа на дворцовой площади, въ ожиданіи прохода новаго Государя. Вдругъ эту толпу заставили разступиться сани, выѣхавшія изъ Милліонной улицы; въ нихъ сидѣлъ Михаилъ Павловичъ съ своимъ адъютантомъ. П. С. очутился такъ близко къ санямъ, что могъ слышать произнесенныя В. К. слова: „Вотъ и Деменковъ здѣсь!“ На другой день командиръ Преображенскаго полка Исленьевъ передалъ ему, что В. К. желаетъ повидать его, а также, чтобъ онъ вновь вступилъ въ военную службу. На другой день онъ явился къ В. К. и объяснилъ ему причины, по которымъ онъ не могъ вступить въ полкъ: пробывши 4 года въ отставкѣ, онъ сильно отсталъ отъ своихъ товарищей, и главное, что рана продолжала его безнокотить. В. К. спросилъ: „Такъ чего же ты желалъ-бы?“ П. С. сказалъ, что онъ уже причисленъ къ М. Ф. и просилъ о хорошемъ отзывѣ новому его начальству. „Хорошо, напишу Канкрину и очень буду радъ, если письмо мое послужитъ тебѣ въ пользу“.

Очевидно, что В. К. далъ хорошей отзывъ о П. С., такъ-какъ въ Февралѣ слѣдующаго 1826 года, т. е. черезъ два мѣсяца, Канкринъ поручилъ ему ревизовать Владимирскую Казенную Палату. 26 Августа того же года, послѣ коронаціи, онъ назначенъ былъ Курскимъ вице-губернаторомъ и оставался въ этой должности пять лѣтъ. Много потрудился онъ для благоустройства города, въ которомъ до настоящаго времени сохранился живой о немъ памятникъ: прекрасный общественный садъ, имъ разбитый. Въ 1831 году онъ былъ переведенъ въ Москву на должность вице-губернатора-же въ прежнемъ ея значеніи. Должность эта была много сложнѣе теперешней, т. к. въ то время вице-губернаторы имѣли въ своихъ рукахъ городскіе финансы и завѣдывали откупнымъ отдѣломъ. Въ Москвѣ онъ приобрѣлъ любовь и уваженіе. Княгиня Луиза Трофимовна Голицина, которая пользовалась въ Москвѣ большимъ значеніемъ и у которой, бывало, по Понедѣльникамъ, когда она принимала, весь обширный дворъ ея дома на Покровкѣ заставлялся экипажами, отзывалась о Деменковѣ не иначе какъ съ полнымъ уваженіемъ, называя его человѣкомъ необыкновенно благороднымъ; а ея отзывы и слова всегда очень цѣнились, т. к. она была женщина очень умная и въ понятіяхъ своихъ твердая.

Въ 1833 году Императоръ Николай Павловичъ такъ же оцѣнилъ Деменкова и былъ къ нему милостивъ, что можно усмотрѣть изъ того, что онъ поручилъ ему постройку Бородинскаго памятника, какъ достойному участ-

нику этого сраженія. Памятникъ освященъ и открытъ въ присутствіи П. С. 26 Августа 1839 г. Въ этомъ же году онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника.

Въ 1842 году Деменковъ захотѣлъ заняться откупами, и такъ-какъ для такого значительнаго предпріятія нужны были и значительныя средства, то онъ и совершилъ въ томъ же году полюбовный раздѣлъ со своимъ братомъ Михаиломъ Семеновичемъ Деменковымъ въ Курской Гражданской Палатѣ, по которому онъ, взамѣнъ денежнаго капитала, отдалъ брату свою часть имѣнія. Онъ взялъ въ откупъ города: Козловъ Тамбовской губ., Тимъ и Корочу Курской, а также приобрѣлъ 15 паевъ въ С. Петербургскомъ откупѣ. Но съ самаго начала 1843 года сборы пошли съ большими убытками, такъ что онъ, для ежемѣсячныхъ казенныхъ взносовъ, долженъ былъ продать свое подмосковное село „Знаменское“ и писчебумажную фабрику. Но всѣ эти жертвы его не спасли, и четырехлѣтіе окончилось съ такими убытками и недоимками, что поглотили все его состояніе. Къ довершенію несчастья, въ 1845 году наложено было на все оставшееся у него имущество запрещеніе въ 85,000 р. сер. Такимъ образомъ человѣкъ, всю жизнь свою не знавшій ничего кромѣ удачъ, всю жизнь не только обеспеченный, но и богатый, въ какіе нибудь четыре года потерялъ все до послѣдней копѣйки и сдѣлался буквально нищимъ. Впослѣдствіи онъ говорилъ своей племянницѣ Маріи Дмитріевнѣ Львовой, что онъ радъ обрушившимся на него несчастьямъ, что онъ благодаритъ Бога, такъ-какъ они не дали ему совершенно погибнуть духовно, погрязнуть въ грѣхахъ, какъ онъ выражался. Видя его въ такомъ ужасномъ положеніи, братъ его Мих. Сем. пригласилъ его жить къ себѣ въ ихъ родовое имѣніе село Боброво, на что П. С. и согласился. Здѣсь П. С. занялся садомъ, разбилъ его по образцу Версаля, террасами (конечно въ уменьшенномъ размѣрѣ), устроилъ фонтаны, оранжереи. Братья жили такъ дружно, что посторонніе не могли-бы сказать, кто изъ нихъ хозяинъ. Кромѣ того П. С. занимался астрономіею, чтеніемъ; читалъ онъ до самой смерти безъ очковъ очень много, а изъ современныхъ изданій особенно любилъ „Московскія Вѣдомости“ и „Русскій Архивъ“. Кромѣ чтенія предавался онъ размышленіямъ, о чемъ онъ и пишетъ.

„Какъ въ молодости, такъ и позже, не смотря на службу и разсѣянную жизнь въ столицѣ, я любилъ иногда предаваться уединенію, чтенію и размышленіямъ, а чтобы нѣкоторыя изъ такихъ мыслей и записокъ не могли по забвенію быть потеряны для меня навсегда, я записывалъ ихъ иногда для памяти, при чтеніи же нѣкоторыхъ книгъ дѣлалъ изъ нихъ иногда выписки.“

Въ 1877 году, будучи уже 87 лѣтъ отъ роду, изъ любознательности предпринялъ онъ поѣздку въ Крымъ; особенностью этой поѣздки было то, что весь южный берегъ Таврическаго полуострова объѣхалъ онъ верхомъ и лишь частью на пароходѣ. Въ Февралѣ 1881 года П. С. по просьбѣ своего брата М. С. и племянника Илат. Сем. Воронова, поѣхалъ въ гор. Рыльскъ на дворянскіе выборы. Здѣсь онъ говорилъ рѣчь (слѣдствіемъ которой было избраніе его племян-

ника на должность предводителя дворянства). Онъ очень утомился этою поѣздкою и по возвращеніи въ Боброво почувствовалъ себя нехорошо.

Въ это время пришло извѣстіе объ убіеніи Государя, которое отъ него скрыли. Онъ продремалъ нѣсколько дней въ креслѣ, и 3 Марта 1881 года, тихо скончался, на 91 году жизни, переживъ нѣсколькими днями пятое царствованіе.

Онъ имѣлъ пріятныя черты лица, былъ очень высокаго роста, строень, даже въ послѣдніе годы отличался очень легкой походкой, ходилъ безъ палки, за годъ до своей смерти могъ входить на 2-й этажъ безъ передышки. Отличительными чертами его характера были привѣтливость, необыкновенная доброта и ласковость въ обращеніи. Его разговоръ былъ всегда живой, разговаривалъ-ли онъ со старикомъ, равно какъ и съ ребенкомъ; всякому умѣлъ онъ сказать что нибудь пріятное, занимательное. Былъ онъ очень набоженъ, не пропускалъ ни одной службы. Много способствовалъ его долготѣію правильный образъ жизни, какой велъ онъ. Вставая ежедневно въ 6 часовъ утра, онъ передъ чаемъ дѣлалъ большую прогулку пѣшкомъ.

Въ его краткомъ некрологѣ, помѣщенномъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1881 г. сказано: „Москва вѣрно христіански помянетъ П. С. Деменкова“.

Нѣтъ, скажу я, не Москва только, вся Россія должна, въ особенности въ виду наступающаго юбилея 12-го года, помянуть того, кто проливалъ кровь свою за нее, за ея настоящее благополучіе, проливалъ на поляхъ Бородинскихъ, на поляхъ Кульмскихъ.

Иванъ Леонид. Смирновъ.

II.

ИВАНЪ ОСИПОВИЧЪ БАРТЕНЕВЪ.

По указу Его Величества Государя Императора Александра Павловича Самодержца Всероссийскаго и пр. и пр. и пр.

Предъявитель сего Иванъ Осиповъ сынъ Бартеневъ, который, какъ изъ полковаго формулярнаго списка значится, отъ роду имѣетъ 42 года, изъ дворянъ, въ службу вступилъ рядовымъ 1795-го года Декабря 20-го дня, лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ, въ которомъ произведенъ капраломъ тогожъ года Декабря 28-го, прапорщикомъ 1796-го года Генваря 1-го съ опредѣленіемъ въ Иркутской драгунской полкъ. Въ семъ происходилъ чинами: подпорутчикомъ 1798-го Октября 19-го, порутчикомъ 1799-го Декабря 10-го, штабсъ-капитаномъ 1802-го Декабря 29-го, капитаномъ 1803-го Марта 1-го дня. Изъ онаго поступилъ въ Арамазской Конно-егерскій полкъ 1806-го Ноября 10-го, въ которомъ маіоромъ съ 1807-го года Юня 27-го дня.

Въ продолженіи службы былъ въ походахъ: 1805-го и 1806-го годахъ по Іюнь мѣсяць при императорскомъ посольствѣ въ Китай съ командою ему ввѣренною внутри Россіи, также и за границею въ Монголіи, за что объявлено высочайшее благоволеніе и выдано не въ зачетъ годовое жалованіе, за сбереженіе въ семь случаѣ людей и лошадей, съ коими проходилъ около 9,000 верстѣ, получилъ въ подарокъ отъ Его Императорскаго Величества золотыя часы и сверхъ того объявлено высочайшее благоволеніе. Въ 1807 году съ 27-го Апрѣля въ Пруссіи, 1809-го года въ Австріи въ преслѣдованіи непріятеля до мѣстечка Барни, оттоль обратно въ Россію. 1812-й годъ въ Россіи противъ Французовъ Ноября 9-го при взятіи штурмомъ города Борисова, гдѣ за взятіе знамени награжденъ орденомъ Св. Владимира четвертой степени съ бантомъ, 14-го и 16-го при селеніяхъ Стаховѣ и Березинѣ во время переправы непріятельской арміи черезъ рѣку Березину, а оттоль въ преслѣдованіи непріятеля въ авангардѣ до г. Вильно, 28-го при с. Погулянкѣ, гдѣ, командуя полкомъ, ударивъ съ онымъ на непріятельскую колонну, состоявшую изъ 1000 человекъ, отнялъ знамя и взялъ въ плѣнъ одного генерала, 36 штабъ-оверъ-офицеровъ и рядовыхъ 700. Декабря 2-го, при взятіи г. Ковно, а оттоль въ преслѣдованіи непріятеля до города Данцига по 8-го Генваря 1813-го года. Отъ Данцига командированъ въ Россію для формированія резервныхъ эскадроновъ. 1814-го года находился въ походѣ Прусскаго владѣнія до крѣпости Глогау, а оттоль обратно въ Россію. Подъ судомъ и въ домовыхъ отпускахъ не бывалъ, а сего 1818-го года Апрѣля въ 15-й день по высочайшему Его Императорскаго Величества приказу, уволенъ отъ службы съ награжденіемъ чиномъ подполковника и съ мундиромъ.

*

Это отецъ мой, потомственный дворянинъ Костромской губерніи, Солигаличскаго уѣзда, помѣщикъ въ сельцѣ Ликурговѣ, родившійся 20 Августа 1776 года и скончавшійся 21 Іюля 1834 года, въ городѣ Липецкѣ, гдѣ онъ нѣкоторое время служилъ по выборамъ уѣзднымъ судьей и оставилъ по себѣ память человекъ правдиваго, защитника бѣдныхъ людей и врага бумажной волокиты. Онъ говорилъ еще по костромски, какъ еще недавно говорило большинство жителей родного ему края, и наше имя писалось въ старину Бортеневъ (отъ слова *бортъ*—дикій улей). П. Б.

